*Д. А. БАРИНОВ**

ТИПОВОЙ ВУЗОВСКИЙ УСТАВ 1938 г.: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОЯВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ**

Статья посвящена реформе высшего образования в СССР во второй половине 1930-х гг., направленной на преодоление последствий отраслевой реформы вузов, приведшей к разукрупнению многих университетов и институтов. Важным элементом этой реформы стала выработка типового устава, которая проходила в несколько этапов. Автор анализирует предпосылки появления уставов, сравнивает содержание документов 1932, 1934, 1936 и 1938 гг. Статья демонстрирует, что, несмотря на попытку централизации и унификации устройства вузов, устав 1938 г. фиксировал двойственность их подчинения (со стороны профильного наркомата и ВКВШ при СНК) и сохранял достаточно забюрократизированную и противоречивую систему управления, усиливая при этом идеологический контроль. Отсутствие четкой иерархии управления высшей школой провоцировало столкновения наркоматов за контроль над профильными институтами, в которых ВКВШ часто выступал в качестве посредника. Практика применения устава 1938 г. показала, что он не обеспечивал должную регламентацию работы высшей школы, что приводило к регулярному принятию уточняющих постановлений.

Ключевые слова: высшая школа, университетский устав, ВКВШ, высшее образование, университеты.

Поступила в редакцию: 21.08.2026
Принята к печати: 24.09.2026

DOI: 10.7868/S0130086526040115

MODEL UNIVERSITY CHARTER OF 1938: CIRCUMSTANCES OF ITS APPEARANCE AND THE PROBLEM OF ITS APPLICATION

This article examines the reform of higher education in the USSR in the second half of the 1930s, aimed at overcoming the consequences of the sectoral reform of universi-

* **Баринов Дмитрий Андреевич** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: barinovdima1990@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3592-8557.

Barinov Dmitry Andreevich – Candidate of Historical Sciences, Researcher, St. Petersburg Institute of History, the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: barinovdima1990@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3592-8557.

** Статья подготовлена в рамках темы государственного задания: «Социально-политическая и экономическая трансформация российского общества в периоды кризисов и реформ XX в.» (FMZM-2024-0015).

© Баринов Д.А.

ties, which led to the disaggregation of many universities and institutes. A key element of this reform was the development of a standard charter, which took place in several stages. The author analyzes the preconditions for the emergence of these charters and compares the contents of documents from 1932, 1934, and 1938. The article demonstrates that, despite attempts to centralize and standardize the structure of universities, the 1938 charter established a duality of subordination (between the relevant People's Commissariat and All-Union Committee for Higher School Affairs under the Council of People's Commissars) and maintained a rather bureaucratic and contradictory management system, while strengthening ideological control. The lack of a clear system of university governance provoked clashes between People's Commissariats for control over specialized institutes, in which the All-Union Committee for Higher School Affairs often acted as an intermediary. The practical application of the 1938 charter showed that it did not provide for the proper regulation of the work of higher education, which led to the adoption of clarifying regulations.

Keywords: higher school, university charter, All-Union Committee for Higher School Affairs, higher education, universities.

В начале 1930-х гг. высшая школа СССР вошла в эпоху радикальных трансформаций, обернувшихся для нее серьезным системным кризисом. Проводимая реформа мыслилась как способ приблизить высшее образование к нуждам набирающей ход индустриализации. Для этого СНК пошло на разукрупнение существовавших вузов и выделение факультетов (или даже их отделений) в самостоятельные институты, которые бы подчинялись профильным наркоматам. Идея, в первом приближении имевшая рациональное зерно, на практике обернулась хаосом.

За годы осуществления реформы число вузов успело вырасти в разы: со 147 в 1927/28 учебном году до 832 в 1932/33 учебном году. Такой количественный всплеск, по впечатлениям современников и исследователей, не привел к качественному скачку в образовании. Институтам не хватало преподавателей, финансирования, становился неясен статус лабораторий и технической базы, искусственно разрывались научные связи. В сентябре 1932 г. было принято специальное постановление ВЦИК, которое остановило проведение реформы и разделение вузов[1]. Однако широкая сеть высших учебных заведений, хотя и начала постепенно сокращаться, все равно требовала новых управленческих решений. Довольно быстро стало очевидным, что наркоматы, взявшие под свое крыло профильные институты, могли влиять на их учебные планы, но оказались неспособны обеспечить необходимую унификацию учебного процесса. Решать вопросы, касающиеся сроков обучения, правил приема и аттестации, устройства администрации и др. оказалось попросту некому.

[1] Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах. 19 сентября 1932 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1932 г. № 50–84. Отдел первый. М., 1932. С. 667–677.

Для этого в 1932 г. был создан Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию (ВКВТО). Столь спонтанное появление ВКВТО в дальнейшем оказало большое влияние на устройство высшего образования СССР, поэтому остановимся на его полномочиях чуть подробнее. Хотя новый орган задумывался как координирующий высшее техническое образование во всем СССР, его появление на деле зафиксировало двойственность в управлении втузами. На Комитет возлагались методические и контрольные функции по отношению как к республиканским, так и к союзным техническим вузам, однако непосредственное руководство научной и повседневной жизнью учебных заведений оставлялось за наркоматами, к которым они были прикреплены[2]. Таким образом, в полномочия Комитета (они, как и его структура, были сформулированы только в 1933 г.) входило издание учебных пособий, определение учебных планов и специальностей и др. Часто ВКВТО фактически брал на себя обязанности наркоматов[3]. Несмотря на необходимость делить полномочия с народными комиссариатами, влияние ВКВТО было крайне велико: в его ведение переходило больше половины вузов СССР – 545 из 832. Остальные продолжали подчиняться республиканским наркомпросам. При этом для большинства вузов сохранялось также и руководство со стороны профильных наркоматов.

В 1933 г. произошло событие, важность которого долгое время не была очевидна. В городах УССР (Киев, Одесса, Харьков) произошло восстановление упраздненного еще в 1919 г. университетского образования, при этом впервые с начала 1930-х гг. вуз объединял как гуманитарные, так и естественнонаучные факультеты. Таким образом, еще более четко обозначился возврат к дореволюционному устройству вузов. Вскоре мультидисциплинарный подход начал возвращаться и в другие учебные заведения.

Новый поворот политики СНК в области высшего образования было решено зафиксировать Типовым уставом высшей школы Союза ССР, принятым Президиумом ЦИК 27 февраля 1934 г. До его принятия внутренняя жизнь университетов регулировалась разработанными в самом вузе положениями[4]. Предшественником «всесоюзного» устава 1934 г. был типовой университетский устав РСФСР 1932 г.: содержание этого документа вводило в и без того нестабильное состояние университетского образования,

---

[2] *Шулепова Э. А.* Деятельность Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при СНК СССР (1932–1936 гг.) // Известия Томского политехнического института им. С.М. Кирова. 1971. Т. 292. С. 95.

[3] Там же. С. 107.

[4] См., например: Положение о Совете Ленинградского государственного университета [1931 г.] // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 270. Л. 16–17 об.

еще большую сумятицу и вряд ли в полной мере применялось на практике, т. к. вскоре было принято сентябрьское постановление ВЦИК о пересмотре роли и структуры университетов[5]. Новый устав 1934 г. представлял собой шаблон, лакуны которого должен был заполнить институт, и содержал в себе 6 разделов: «Общие положения», «Структура института», «Руководство институтом», «Организация учебной работы и внутреннего распорядка», «Студенты», «Аспиранты»[6]. Устав в общих чертах определял внутреннюю структуру вуза, полномочия административного состава, «общий режим», «формы учебной работы», порядок приема и аттестации учащихся. Фактически документ 1934 г. подводил черту под радикальной реформой высшей школы начала десятилетия и отменял Положения о высших учебных заведениях от 1921 и 1922 гг., определявшие ранее устройство университетов и институтов.

Учитывая, что типовой устав уже существовал, и тенденции к унификации управления высшим образованием сохранялись и в последующие годы, закономерно задаться вопросом, зачем же было в 1938 г. принимать новый, уже третий за 6 лет? Традиция исследования университетской истории Российской империи демонстрирует, что каждый новый устав являлся результатом пересмотра отношения к высшему образованию: каждый новый император в XIX–XX вв. отметился своим уставом или правилами, и их содержание позволяет оценить перемену во взглядах на должное положение высшей школы и ее миссию[7]. Отчасти такой подход будет оправдан и применительно к СССР 1930-х гг., однако в данном случае корректировка идеологического вектора сопровождалась также и появлением бюрократических новшеств, которые необходимо было вписать в существующие законоположения.

---

[5] См.: *Ростовцев Е. А., Тихонов И. Л.* Три века Петербургского университета. СПб., 2024. С. 311.

[6] Типовой устав высшей школы Союза ССР. 27 февраля 1934 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. Отдел первый. М., 1948. С. 180–188.

[7] См., например, *Эймонтова Р. Г.* Русские университеты на грани двух эпох: От России крепостной к России капиталистической. М., 1985; *Посохов С. И.* Уставы российских университетов XIX века в оценках современников и потомков // Вопросы образования. 2006. №1. С. 370–381; *Жарова Е. Ю.* Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268–290; *Ростовцев Е. А.* Университетская реформа 1884 г. в Санкт-Петербургском университете // Научно-технические ведомости СПбГПУ, серия «Гуманитарные и общественные науки». 2013. № 2. С. 139–145. См. также о проблемах принятия уставов научных и просветительских обществ: *Копелев Д. Н., Лоскутова М. В.* Русское географическое общество в 1840-е гг.: «Битвы» за Устав // Вспомогательные исторические дисциплины. 2024. Т. XLIII. С. 36–55; *Копотилова Е. Ю.* Уставы добровольных культурно-просветительных обществ Ленинграда первой половины 20-х гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1987. Т. XVII. С. 248–256.

Так, несмотря на возврат к более стабильной структуре и привычным формам учебного процесса и управления, многие вузы продолжали работать в условиях ощутимых организационных и инфраструктурных трудностей. Весной 1935 г. при ЦК ВКП(б) была создана комиссия по проблемам высшей школы под председательством А. А. Жданова[8]. Результатом ее работы стал целый ряд постановлений, регулировавших прежде всего учебные планы вузов и руководство системой образования в целом. В декабре 1935 г. Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию (ВКВТО) передавался из ведомства ЦИК в СНК, а в мае 1936 г. реорганизовался во Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ), получая в свое управление не только естественнонаучные вузы, но и практически все высшее образование в стране[9]. Появление ВКВШ в значительной мере решало проблему коммуникации между вузами: ранее сообщение проводилось через народные комиссариаты просвещения различных республик или посредством общения других наркоматов, к которым был прикреплен тот или иной вуз[10].

Одним из наиболее важных последствий работы комиссии Жданова стало принятое 23 июня 1936 г. постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой». Его текст начинался с признания неудовлетворительного состояния высшего образования в СССР: «При организации новых высших учебных заведений и развёртывании старых нередко упускалось важнейшее условие работы вузов – обеспечение их соответствующими научно-педагогическими кадрами, лабораториями, кабинетами, библиотеками, в результате чего уровень обучения в ряде высших учебных заведений немногим отличается от уровня средней школы (техникумов). Учебные планы всё ещё многопредметны и подвергаются, равно как и программы, ежегодным изменениям. Отсутствуют стабильные учебники для высшей школы, и нет совершенно учебников по ряду важнейших дисциплин. Крайне недостаточен выпуск специальной переводной литературы» [11].

В постановлении 1936 г. были сформулированы многие принципы работы и внутреннего устройства высшей школы, которые (с учетом известных изменений) актуальны до сих пор. За поступление абитуриентов

---

[8] См. подробнее о ее работе: РГАСПИ Ф. 77. Оп. 1. Д. 461–463.

[9] Об образовании Всесоюзного Комитета по Высшей Школе при СНК Союза ССР // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1936 г. М., 1946. № 27.

[10] *Чанбарисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы (1917–1937 гг.). Уфа, 1973. С. 307.

[11] О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1936 г. М., 1946. № 34. С. 502.

теперь отвечала приемная комиссия под председательством руководителя вуза. Утверждался единый срок начала и окончания занятий (1 сентября и 30 июня), а также перерывы на зимние и летние каникулы (с 24 января и с 1 июля). Сокращалось количество обязательных занятий ввиду перегрузки студентов; устанавливалась длина академического часа (40–45 минут) и перерыва между занятиями (10–15 минут). Определялись время и порядок прохождения производственной практики. Отменялся текущий учет успеваемости, единственным способом контроля за знаниями учащихся становились экзамены и зачеты. Определялись критерии диплома I степени для окончивших университет с отличием, а также привилегии, которыми могли пользоваться его обладатели. Положение 1936 г. подтверждало принятое в конце предыдущего года решение об отмене ограничений на поступление в вузы, связанных с социальным происхождением. Теперь при принятии в студенты ориентировались на уровень школьных отметок.

Вероятно, постановления, принятые в 1936 г. так и не были в полной мере проведены в жизнь; возможно, по причине того, что разные распоряжения как бы «наслаивались» друг на друга, и пересечение их содержания не давало четкого понимания, содержание какого документа превалирует. Несмотря на принятые усилия, многие элементы требовали структурирования и приведения к единству. Глава ВКВШ С. В. Кафтанов на совещаниях вузовских работников в мае 1938 г.[12] обращал внимание на разницу учебных планов в вузах одного профиля, разные сроки обучения (от 4 до 5 лет с шагом в месяц или более) и, соответственно, разные сроки выпуска. Не было унификации и в аспирантуре. Вопреки рекомендациям ВКВШ ограничить количество предметов для аттестации четырьмя–пятью, в большинстве вузов таких предметов насчитывалось десятки. Это, по мнению Кафтанова, создавало не только сумятицу, но и ненужные препятствия для подготовки научных работников. Требовалось также пересмотреть номенклатуру специальностей, чтобы унифицировать учебные программы, сократить количество преподавателей и придать каждому вузу четко выраженную специализацию[13]. Определенные коррективы требовалось внести и после принятия конституции 1936 г.

Важным шагом для решения накопившихся проблем и противоречий стало принятие 5 сентября 1938 г. нового типового устава высших учебных заведений. Устав состоял из 10 разделов, часть которых пересекалась с версией четырехлетней давности: «Студенты», «Организация

---

[12] Участие в совещании принимали и студенты. См.: *Сергеев Е. М.* Взгляд сквозь годы. Воспоминания. М., 2014. С. 110–111.

[13] Стенограмма I Всесоюзного совещания работников высшей школы от 13 мая 1938 г. // ГАРФ Ф. 8080. Оп. 1. Д. 19. Л. 39–41, 52.

учебной работы», «Кафедра», «Научно-педагогические кадры и учебно-вспомогательный персонал», «Аспиранты», «Структура и руководство», «Общественные организации», «Внутренний порядок и дисциплина», «Имущество и средства высшего учебного заведения», «Порядок утверждения устава». Устав определял основные цели высшего образования, принципы приема и выпуска студентов и аспирантов, организации учебного процесса, внутреннего управления, полномочия руководства вузов, процедуры избрания и назначения на должности.

В чем же существенное отличие уставов 1934 и 1938 гг. (текстуально совпадавших почти наполовину)? Первое, на что стоит обратить внимание, это больший акцент на идеологии. Если в 1934 г. ограничились простой констатацией того, что вуз должен ставить «своей целью выпускать коммунистически воспитанных специалистов высшей квалификации»[14], то спустя четыре года идейное и политическое воспитание студенчества было поставлено в первых задачах для высшего образования и поддержано цитатами из сочинений И. В. Сталина[15]. Всего личность генерального секретаря упоминалась в тексте четырежды. Другим важным дополнением стало более четкое определение положения кафедры, которому в 1938 г. посвятили целый раздел. Эта единица вузовской структуры, фактически ликвидированная в прошлые десятилетия, теперь объявлялась «основной учебной организацией вуза, непосредственно осуществляющей учебно-методическую и научно-исследовательскую работу по одной или нескольким тесно связанным между собой дисциплинам»[16]. Был более детально прописан раздел, связанный с аспирантурой (в прежней версии он состоял только из отсылки к соответствующему постановлению СНК). Часть полномочий из ведения совета института / университета передавалась ВКВШ при СНК, в частности, утверждение учебных планов, реорганизация факультетов и др.

Обобщая содержание устава, необходимо отметить, что оно ярко отражало двойственность ведомственной подчиненности вузов, сложившейся в то время: программы по общим дисциплинам для вузов принимались ВКВШ, а по специальным предметам – профильными наркоматами, которым был подотчетен вуз[17]. Результаты конкурса на должность

[14] Типовой устав высшей школы Союза ССР. 27 февраля 1934 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. Отдел первый. М., 1948. С. 180.

[15] Типовой устав высшего учебного заведения. 1938 г. // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР за 1938 г. № 29–58. Отдел первый. М., [1938]. С. 558, 565.

[16] Типовой устав высшего учебного заведения. 1938 г. С. 560.

[17] Типовой устав высшего учебного заведения. 1938 г. С. 560.

профессора утверждал наркомат, а на должность заведующего кафедрой – ВКВШ (по представлению наркомата)[18]. Текст устава обнаруживает и вовсе абсурдные на первый взгляд вещи: за проведение вступительных экзаменов в аспирантуру отвечал ВКВШ, а за зачисление поступивших – наркомат; также и «распределение окончивших аспирантуру производится наркоматом (ведомством) по плану, утверждаемому Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР»[19]. Помощник директора по учебной части назначался с санкции ВКВШ, а по административно-хозяйственной части – уже без участия Комитета. Сам директор высшего учебного заведения также нес ответственность как перед народным комиссариатом, так и перед ВКВШ. Типовой устав, подготовленный вузом, утверждался по представлению наркомата, что должно было, вероятно, подчеркнуть если не главенствующую, то курирующую роль ВКВШ[20].

Обратим внимание, что похожая двойственность была характерна и для устройства государственных экзаменационных комиссий (введены в 1936 г.): их члены определялись наркоматом, но утверждались ВКВШ; Комитет также определял перечень предметов, по которому проходит экзамен, хотя, напомним, учебную программу по основным предметам составлял наркомат[21].

Итак, типовой устав фиксировал крайне забюрократизированную систему управления вузами, в которой, по существу, отсутствовал принцип единоначалия, а внутренняя жизнь регламентировалась сразу двумя ведомствами – профильным наркоматом и ВКВШ. Представить, как подобная путаница могла в строгом соответствии с буквой закона применяться на практике, довольно трудно.

Отсутствие четкой системы управления и понимания компетенции и зоны ответственности иногда приводили к любопытным казусам. Так, в 1938 г. Наркомат здравоохранения ввел в подведомственных ему вузах должность приват-доцента. Приват-доцентура была распространена в высшей школе Российской империи для преподавателей, не входивших в штат и получавших только гонорар за чтение лекций. ВКВШ в феврале 1939 г. отменил эту инициативу как противоречившую существующим уставам и распоряжениям, а также утвержденной ранее штатно-окладной

---

[18] Типовой устав высшего учебного заведения. 1938 г. С. 561.

[19] Типовой устав высшего учебного заведения. 1938 г. С. 562.

[20] Типовой устав высшего учебного заведения. 1938 г. С. 567.

[21] Положение о государственных экзаменационных комиссиях высших учебных заведений // Бюллетень ВКВШ. 1938. № 10. С. 8–9. Окончательный список предметов был составлен в сентябре 1938 г.: Перечень предметов, подлежащих сдаче студентам в государственных экзаменационных комиссиях // Бюллетень ВКВШ. 1938. № 17. С. 6–11.

системе[22]. Частым нарушением устава являлось занятие должности декана или заведующего кафедрой преподавателем, не имеющим должной ученой степени или звания, о чем свидетельствуют результаты многочисленных проверок ВКВШ. У вузов в этом отношении имелись свои аргументы. Они ссылались на то, что руководство институтом или факультетом отнимает огромное количество времени и сил, не позволяя заниматься полноценной научной работой. При этом формальный подход ВКВШ (основанный на соответствии должности степени и званию) часто мешал работе руководителей, которые успешно справлялись с административной нагрузкой. Для разрешения проблемы предлагалось введение творческих отпусков, организация совещаний деканов, введение должности ученого секретаря и т.д.[23]

Очевидно, в СНК существовало понимание, что устав 1938 г. не закрывает всех потребностей в четкой организации высшего образования. Так, в марте 1939 г. были приняты новые правила приема, которые обобщали уточняющие распоряжения, принятые ВКВШ и СНК в последние годы. Согласно правилам, в высшие учебные заведения могли поступить все граждане СССР в возрасте от 17 до 35 лет, имевшие законченное среднее образование, полученное в десятилетней школе, техникуме, училище, военных школах, на рабфаке и т.д. Отличники освобождались от вступительных экзаменов. В перечень обязательных вступительных экзаменов входили: русский язык, история народов СССР, математика, физика, химия, иностранный язык. Некоторые специализированные вузы могли проводить дополнительные испытания. Был составлен подробный перечень необходимых документов, сроки поступления, ход проведения экзаменов и состав экзаменационных комиссий[24].

В 1939 г. также были дополнены положения устава, касающиеся аспирантуры, дополнительно регламентировался процесс поступления и обучения, определялись права и обязанности аспирантов. Вот лишь некоторые любопытные особенности устройства аспирантуры того времени: аспирант включался в состав кафедры на правах научного сотрудника с правом пользования всеми полагающимися должности льготами; аспирант не мог быть перемещен на работу в другое место без личного разрешения главы наркомата; аспирант не мог работать по совместительству (за исключением преподавательских должностей)[25].

---

[22] Об отмене положения о приват-доцентах // Бюллетень ВКВШ. 1939. № 4. С. 4–5.

[23] *Галкин Я. Г.* О работе, правах и обязанностях деканов // Вестник высшей школы. 1940. № 15. С. 4.

[24] Правила приема в 1939 г. в высшие учебные заведения Союза ССР // Бюллетень ВКВШ. 1939. № 6. С. 3.

[25] Положение об аспирантуре // Бюллетень ВКВШ. 1939. № 8. С. 3–5.

К началу 1940-х гг., когда внутреннее устройство вузов приобрело четкие формы и стабильную структуру, стала еще сильнее проявляться проблема отсутствия единоначалия в руководстве высшим образованием. Несмотря на то, что ВКВШ согласно уставу и собственному положению о работе имел власть над всеми вузами страны (за исключением военных), его деятельность на практике носила координационный характер, принимаемые Комитетом решения касались преимущественно организации учебного процесса и проблем инфраструктуры, экономического положения вузов. На октябрь 1939 г. в полном подчинении ВКВШ находилось только 12 вузов из 700 действовавших в СССР. Больше всего вузов находилось в ведении Наркомата просвещения – 333, Наркомата здравоохранения – 72, Наркомата земледелия – 67[26].

Несмотря на такое распределение вузов по ведомствам, именно ВКВШ играл организующую роль в руководстве высшим образованием: по его инициативе регулярно собирались совещания ректоров и директоров вузов, на которых обсуждались все текущие вопросы и затруднения в работе университетов и институтов различных республик. Фактически создавалась система двойного подчинения, при которой и наркоматы, и ВКВШ занимались одновременно и учебным процессом, и кадровыми, и финансово-экономическими вопросами. Ввести четкое разделение сфер ответственности на практике было довольно трудно, т. к. в условиях 1930-х гг. проблемы учебного процесса и инфраструктуры были взаимосвязаны, упираясь в недостаток материального положения вузов: отсутствие аудиторий, нехватку квартир для преподавателей, малое количество ставок.

Проблема подчинения вузов еще более усугублялась из-за регулярного деления наркоматов. Например, в 1939 г. Наркомат машиностроения был разделен на три: тяжелого, среднего и общего машиностроения. На совещании ВКВШ предлагалось решить, кому после этого раздела достанутся подведомственные вузы; сошлись на распределении согласно специальностям вузов и наркоматов. Однако в случае крупных вузов, таких как Промакадемия, предлагалось проводить прием абитуриентов и распределение выпускников при участии трех наркоматов, т. к. специальности академии затрагивали их всех[27]. Деление вузов происходило крайне болезненно, некоторые институты были неформально привязаны к производствам, находившимся в их городах, во многом снижая их кадровый голод. Поэтому определение вуза к одному наркомату, а предприятия –

[26] Протокол заседания Всесоюзного комитета по делам Высшей школы при СНК СССР от 27 октября 1939 г. // ГАРФ Ф. 8080. Оп. 1. Д. 49. Л. 6 и далее.

[27] Стенограмма совещания в Комитете по делам высшей школы при СНК СССР по вопросу о распределении вузов и втузов между наркоматами после их разделения. 25 марта 1939 г. // ГАРФ Ф. 8080. Оп. 1. Д. 49. Л. 102–103.

к другому (как, например, в случае с Ленинградскими строительным и экономическим институтами) искусственно разрывало эту связь, заставляло искать специалистов в других городах, в значительной степени затрудняя подбор специалистов[28].

По предложению С. В. Кафтанова часть вузов в результате дробления Наркомата промышленности и вовсе передавалась в ВКВШ. Так достигался компромисс между новыми наркоматами в распределении их выпускников, однако обратной его стороной было добавление сумятицы в, казалось, стабилизировавшееся положение высшего образования.

Начиная с 1939 г. на совещаниях работников вузов все отчетливее звучали предложения реформировать управление высшим образованием, путем централизации всей вузовской системы в руках ВКВШ (что неизбежно привело бы к пересмотру устава). Наиболее настойчиво звучало требование передачи в ведение Комитета университетского образования. Логика такого подхода заключалась в том, что университеты (на лето 1939 г. их было 22), в отличие от институтов, не дают узкопрофильного образования и потому не могут быть источником кадров для какого-либо конкретного наркомата. Считалось, что наркомат просвещения нуждается преимущественно в педагогических кадрах для школ и училищ, и поэтому на университетское образование он смотрел именно в таком ключе, оказывая влияние на учебную программу университетов и в значительной степени ее упрощая. Несмотря на принимаемые попытки, в довоенное время проблема соподчинения вузов так и не была решена.

* * *

Типовой устав 1938 г. стал важнейшим документом для высшего образования СССР, который в основных чертах определил его функционирование вплоть до времен хрущевской оттепели. Его появление, вкупе с возвращением ученых степеней и званий, стало важной точкой в возвращении к дореволюционным практикам существования высшей школы. Уставом определялась структура факультетской и кафедральной системы, давалось определение аспирантуры и ученой степени как необходимой ступени в построении научной и преподавательской карьеры, вводился четкий перечень допустимых должностей и т.д. Вместе с этим устав является и своего рода слепком времени, в котором можно разглядеть многие проблемы эпохи сталинизма: идеологизированность, подчиненность государственному аппарату (от администрации до вузовских общественных организаций), отказ от элементов самоуправления, чрезмерная бюрокра-

[28] Стенограмма совещания в Комитете по делам высшей школы при СНК СССР по вопросу о распределении вузов и втузов между наркоматами после их разделения. 25 марта 1939 г. // ГАРФ Ф. 8080. Оп. 1. Д. 49. Л. 106–107.

тизация управления, которая при неясности структуры ведомственного подчинения вузов создавала множество правовых лакун, провоцировала вольные и невольные нарушения со стороны вузовского начальства. Очевидная неудовлетворенность содержанием устава приводила к тому, что и после его принятия выходили многочисленные дополняющие постановления. Главным изъяном устава стало закрепление двойного подчинения вузов – ВКВШ и профильному наркомату. Эта система провоцировала межведомственные конфликты за контроль над институтами и создавала крайне запутанную систему управления, применять которую на практике в полной мере, очевидно, было невозможно. Таким образом устав упорядочивал внутреннюю структуру вузов, но фиксировал беспорядок в их сношениях с правительственными органами.

ИСТОЧНИКИ

Архивные:

ГАРФ Ф. 8080 (ВКВШ при СНК). Оп. 1. Д. 19, 49.
РГАСПИ Ф. 77 (А.А.Жданов). Оп. 1. Д. 461–463.
ЦГА СПб. Ф. 7240 (ЛГУ). Оп. 14. Д. 270.

Опубликованные:

Об образовании Всесоюзного Комитета по Высшей Школе при СНК Союза ССР // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1936 г. М., 1946. № 27. С. 397–398.

Об отмене положения о приват-доцентах // Бюллетень ВКВШ. 1939. № 4. С. 4–5.

Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах. 19 сентября 1932 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1932 г. № 50–84. Отдел первый. М., 1932. С. 667–677.

Положение о государственных экзаменационных комиссиях высших учебных заведений // Бюллетень ВКВШ. 1938. № 10. С. 8–9.

Положение об аспирантуре // Бюллетень ВКВШ. 1939. № 8. С. 3–5.

Правила приема в 1939 г. в высшие учебные заведения Союза ССР // Бюллетень ВКВШ. 1939. № 6. С. 3.

Сергеев Е. М. Взгляд сквозь годы. Воспоминания. М.: ГЕОС, 2014.

О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой. 23 июня 1936 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1936 г. М., 1946. № 34. С. 502–509.

Типовой устав высшего учебного заведения. 1938 г. // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР за 1938 г. № 29–58. Отдел первый. М., [1938]. С. 558–567.

Типовой устав высшей школы Союза ССР. 27 февраля 1934 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. Отдел первый. М., 1948. С. 180–188.

Периодика:

Галкин Я. Г. О работе, правах и обязанностях деканов // Вестник высшей школы. 1940. № 15. С. 4.

БИБЛИОГРАФИЯ

Жарова Е. Ю. Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268–290.

Копелев Д. Н., Лоскутова М. В. Русское географическое общество в 1840-е гг.: «Битвы» за Устав // Вспомогательные исторические дисциплины. 2024. Т. XLIII. С. 36–55.

Копотилова Е. Ю. Уставы добровольных культурно-просветительных обществ Ленинграда первой половины 20-х гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1987. Т. XVII. С. 248–256.

Посохов С. И. Уставы российских университетов XIX века в оценках современников и потомков // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 370–381.

Ростовцев Е. А. Университетская реформа 1884 г. в Санкт-Петербургском университете // Научно-технические ведомости СПбГПУ, серия «Гуманитарные и общественные науки». 2013. № 2. С. 139–145

Ростовцев Е. А., Тихонов И. Л. Три века Петербургского университета. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2024

Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы (1917–1937 гг.). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1973

Шулепова Э. А. Деятельность Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при СНК СССР (1932–1936 гг.) // Известия Томского политехнического института им. С.М. Кирова. 1971. Т. 292. С. 92–108.

Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох: От России крепостной к России капиталистической. М.: «Наука», 1985

REFERENCES

Chanbarisov Sh. Kh. Formation of the Soviet University System (1917–1937). Ufa, 1973 (In Russian).

Eimontova R. G. Russian Universities on the Brink of Two Eras: From Serf Russia to Capitalist Russia. Moscow: "Nauka", 1985 (In Russian).

Kopelev D. N., Loskutova M. V. The Russian Geographical Society in the 1840s: "Battles" for the Charter // Auxiliary Historical Disciplines. 2024. Vol. XLIII. Issue 4. Pp. 36–55 (In Russian).

Kopotilova E. Yu. Charters of Voluntary Cultural and Educational Societies of Leningrad in the First Half of the 1920s // Auxiliary Historical Disciplines. 1987. Vol. XVII. Pp. 248–256 (In Russian).

Posokhov S. I. Statutes of Russian Universities of the 19th Century in the Assessments of Contemporaries and Descendants // Educational studies. 2006. No. 1. Pp. 370–381 (In Russian).

Rostovtsev E. A. University Reform of 1884 at St. Petersburg University // Scientific and Technical Bulletin of SPbSPU, series "Humanities and Social Sciences". 2013. No. 2. Pp. 139–145 (In Russian).

Rostovtsev E. A., Tikhonov I. L. Three Centuries of St. Petersburg University. St. Petersburg: SPbSU Publishing House, 2024 (In Russian).

Shulepova E. A. Activities of the All-Union Committee for Higher Technical Education under the Council of People's Commissars of the USSR (1932–1936) // Bulletin of the S. M. Kirov Tomsk Polytechnic Institute. 1971. Vol. 292. Pp. 92–108 (In Russian).

Zharkova E. Yu. University Statutes of 1803–1804 // Educational studies. 2011. No. 4. Pp. 268–290 (In Russian).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКВТО – Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию

ВКВШ – Всесоюзный комитет по делам высшей школы

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

СНК – Совет народных комиссаров

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦИК – Центральный исполнительный комитет